

Госпожа Синь, дав на неё таким взглядом, резко отмахнулась, сбросив руку Гу Хайтан. В глазах дочери, полных отчаяния и безумия, она жестом подозвала служанку, стоявшую у двери. Когда та опустилась на колени у подножия, она наклонилась и тихо прошептала:

— Цю Фу, подойди... Загляни в мой шкаф, в третий ящик, возьми... затем...

Хотя Гу Хайтан была близко, госпожа Синь говорила очень тихо, а Цю Фу стояла вплотную к ней, поэтому в своём страхе Гу Хайтан не смогла разобрать их разговор. Лишь когда Цю Фу с невозмутимым лицом встала и направилась к двери, она поняла, что не знает, что задумала мать. Расскажет ли она всё Гу Вэньмяню, чтобы он отправил её в семейный храм, или уготовит ещё более страшную участь? В момент, когда она дрожала от страха и уже собиралась заговорить, раздались шаги, и лицо Гу Вэньмяня появилось в комнате вместе с откинутой занавеской. Его взгляд скользнул по бледному лицу жены на кровати и её уже плоскому животу, и лицо его стало холодным.

— Почему вдруг случился выкидыш? Что произошло?

Сказав это, он, похоже, не стал ждать ответа госпожи Синь и сам подошёл к кровати, тяжело глядя на неё. В его глазах читалась боль, но она относилась скорее к потерянному ребёнку, чем к женщине на кровати.

Заговорил он с сильным гневом. Ещё до входа он узнал от врача, что это не из-за здоровья жены, а чья-то злоба, вызвавшая выкидыш. Сердце его переполняла ярость, и он был полон решительности наказать виновника:

— Я слышал от врача, что на ароматическом кисете, который ты носила, был порошок мускуса. Кто это сделал? Кто заставил тебя потерять ребёнка? Я убью его!

Гу Хайтан стояла на коленях недалеко от кровати. Увидев, что муж, войдя, словно не заметил её, она взглянула на госпожу Синь, но быстро отвела взгляд. Прежде чем мать успела заговорить, она с мольбой в глазах обратилась к Гу Вэньмяню:

— Отец... Вы пришли...

— Хайтан?

Увидев, что госпожа Синь молчит, опустив голову, и её лицо не выражает ничего, кроме бледности, Гу Вэньмянь слегка нахмурился. Он уже собирался продолжить расспросы, когда услышал знакомый голос и, опустив взгляд, встретился глазами с Гу Хайтан. Её хрупкий вид по-прежнему вызывал в нём некоторую нежность, но в следующее мгновение он вспомнил о её проделках, и лицо его стало строгим:

— Разве ты не под арестом? Почему ты здесь?

Гу Хайтан, услышав это, подняла рукав, словно испугавшись, и вытерла уголки глаз. Когда глаза покраснели, она робко подняла голову, осторожно взглянула на госпожу Синь, но встретила холодный взгляд и тут же опустила глаза. Голос её дрожал:

— Отвечаю отцу, Хайтан не хотела выходить... И не хотела послушаться вас, просто сегодня матушка... у неё случился выкидыш по пути ко мне, и я очень волновалась, поэтому—

Гу Вэньмянь, увидев её красные глаза и искреннее беспокойство, которое действительно похоже было на заботу о матери, смягчился. Он не знал, что произошло ранее, и, увидев это,

кивнул, разрешая встать и не волноваться:

— В таком случае, твоё беспокойство за мать простительно. Вставай, садись.

Гу Хайтан, услышав это, снова посмотрела на госпожу Синь, но не встретилась с ней взглядом. Она тревожно встала, но не решалась сесть, с благодарностью тихо сказав:

— Благодарю отца.

Едва Гу Хайтан поднялась и Гу Вэньмянь отвёл от неё взгляд, сидевшая на кровати госпожа Синь усмехнулась и вдруг заговорила. Её голос заставил обоих у кровати повернуться к ней, но смысл сказанного был для них разным.

— Князь, тот кисет с мускусом сделала Хайтан... — медленно, по словам произнесла госпожа Синь. Видя, как Гу Вэньмянь выглядит шокированным и недоверчивым, а Гу Хайтан — в ужасе, она вдруг опустила глаза и тихо добавила:

— Но я уже выяснила, что это... это матушка Цзинь, когда передавала его, подсыпала мускус.

Гу Вэньмянь, услышав, что мускус подсыпал кто-то другой, и что госпожа Синь назвала имя, вспомнил ту неприятную няню, которую он видел в главном дворе. Это было и ожидаемо, и внезапно, почти сразу он пробормотал:

— Матушка Цзинь? Это она—

Гу Хайтан, услышав, что мать окончательно свалила вину на матушку Цзинь, а не на неё, почувствовала облегчение. Тело её дрогнуло, ноги чуть не подкосились, но она быстро взяла себя в руки. В глазах её читалась забота, но пальцы непроизвольно разжали край рукава, и она напряжённо вслушивалась в речи Гу Вэньмяня.

— Матушка Цзинь была рядом с тобой давно, и, как я помню, она всегда вела себя высокомерно, словно недовольна княжеством. Теперь она подсыпала тебе мускус, погубив твоего законного сына — это непростительно! Эй, слуги! Немедленно схватите матушку Цзинь и приведите сюда! Я допрошу её!

Слуги, пришедшие с Гу Вэньмянем, тут же выпрямились и низко поклонились:

— Слушаемся, князь!

Госпожа Синь, услышав его приказ, слегка пошевелила пальцами на одеяле, но лишь вздохнула. Она не знала, когда матушка Цзинь вела себя высокомерно, чтобы Гу Вэньмянь запомнил это. То, что её слова не вызвали у него сомнений, заставило её незаметно выдохнуть.

Хотя в последний момент она решила защитить Гу Хайтан из-за многолетней привязанности, это не означало, что простила её. Думая об этом, её взгляд стал ещё холоднее, она скользнула по дочери рядом и перевела глаза на только что вошедшую Цю Фу, которая, поправляя дыхание, незаметно кивнула: всё сделано. Госпожа Синь вздохнула, закрыла глаза и откинулась на подушки, делая вид, что спит.

Вскоре после возвращения Цю Фу слуга, посланный Гу Вэньмянем, вернулся с мрачным лицом. Увидев князя, он низко поклонился и доложил:

— Князь! Докладываю: когда мы пошли схватить матушку Цзинь, мы обнаружили, что она...

она уже покончила с собой.

Гу Вэньмянь сначала удивился, затем махнул рукой. Госпожа Синь уже потеряла ребёнка, а матушка Цзинь мертва, так что он не видел смысла расследовать дальше. Он никогда не вмешивался в женские интриги, и теперь, когда дело дошло до этого, он посмотрел на госпожу Синь и Гу Хайтан, подумал и решил:

— Раз она покончила с собой — тем лучше, значит, совесть замучила! Она долго злоупотребляла властью в доме и навредила своей госпоже. Пусть её тело завернут в циновку и выбросят в общую могилу! А семью её схватите, и если ничего не выяснится — выгоните вон из княжества. Предатели не могут оставаться в доме!

Слуга тут же выпрямился и твёрдо ответил:

— Слушаем, князь.

Гу Вэньмянь кивнул, затем, подумав, обернулся к госпоже Синь и мягко сказал:

— Ты только что потеряла ребёнка, так что отдыхай. У меня есть дела, я вернусь вечером.

Госпожа Синь знала, что днём он занят государственными делами, и что для него она была лишь законной женой, далёкой от места, которое занимала в его сердце Е Демен, его детская подруга. Поэтому за столько лет она уже не питала к нему никаких чувств, а всей душой заботилась о детях.

<http://bllate.org/book/16652/1526120>